

О ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА РОССИИ В ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С. А. Медведев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2009 г.

Аннотация: анализируются истоки образа России и русских в нацистской Германии накануне Великой Отечественной войны. Изучение источников и литературы показало, что он сформировался в Германии под влиянием, по меньшей мере, трех основных составляющих. К традиционному для немцев представлению о России как о бескрайней стране с богатыми природными ресурсами гебельсовская пропаганда добавила миф о «еврейско-большевистском правительстве» и русских как о «людях низшего сорта» (*Untermenschen*). Все эти образы, безусловно, способствовали ужесточению до крайних пределов фашистского оккупационного режима на территории СССР, который едва ли можно было сравнить с порядками, установленными гитлеровцами в других захваченных ими странах в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Германия, нацистский режим, пропаганда.

Abstract: the author of the article analyzes origins of the image of Russia and the Russians in Nazi Germany before the Great Patriotic war. Study of sources and literature showed that it had formed in Germany under the influence of at least three main components. In Hebbel's propaganda the traditional image of Russia as a boundless country with rich natural resources was added with a myth about a 'Jewish-Bolshevik government' and about the Russians as 'Untermenschen'. Certainly, all these images contributed to the extreme stiffening of the fascist occupation regime in the territory of the USSR, which can hardly be compared to the order that was established by the Hitlerites in other occupied countries during the World War II.

Key words: World War II, Great Patriotic War, USSR, Germany, Nazi-regime, propaganda.

Одной из актуальных тем современной исторической науки является проблема понимания Другого — иных народов, социальных групп, государств. В статье предпринимается попытка проанализировать истоки образа России и русских в нацистской Германии накануне Великой Отечественной войны. При исследовании этой непростой проблемы необходимо в первую очередь рассматривать представления немцев, сложившиеся в результате сложного взаимодействия трех основных составляющих. Во-первых, это традиционный образ Российского государства и общества, сложившийся в Германии еще в XVII—XIX вв. Во-вторых, это возникновение мифа о «рабоче-крестьянском рае» в Советской России, сформировавшегося в Веймарской республике в среде германского пролетариата после Октябрьской революции под влиянием коммунистической пропаганды. В-третьих, это чисто негативный образ СССР и русского народа как вечного не-

примиримого врага немцев, как постоянной угрозы европейской культуре, активно культивируемый в официальной нацистской пропаганде 1930-х гг. В это время к традиционному для немцев представлению о России как о бескрайней стране с богатыми природными ресурсами гебельсовская пропаганда добавила миф о «еврейско-большевистском правительстве» и русских как о «людях низшего сорта» (*Untermenschen*).

Образ России и русских в обыденных представлениях немцев

Первые устойчивые представления о России и русских возникают в германском обществе еще в XVI—XVII вв. в связи с публикациями иностранцев об их путешествиях в Московию, в первую очередь Сигизмунда Герберштейна, но в особенности «Описания московского и персидского странствий» Адама Олеария. Они создали образ России как «северной державы», сохранявшийся в своих основных чертах вплоть до начала XIX в. [1, S. 27]. В то время повествования дипломатов

и путешественников фактически являлись основными источниками, формировавшими общественное мнение. Уже тогда в нем явно обозначились определенные стереотипы и предрассудки о других странах и нациях, в первую очередь в отношении России. Германские путешественники отмечали превосходство «своей» европейской культуры и образованности над «дикостью москвитян», отличительными чертами которой считались насилие, варварство, закрытость. Появились первые сочинения, где прямо говорилось о «русской угрозе» для Европы [2, S. 323]. Впоследствии стереотипный образ русского человека в Германии еще долгие годы ассоциировался с Иваном Грозным, а также с жестокостью, наивностью и лестью, приписываемым русским как народу [3, S. 6]. Среди наиболее ходовых атрибутов образа России, распространившихся в германском обществе в XVII—XVIII вв., можно выделить «дикость», «варварство», «холод», «образ медведя», которые в представлениях многих немцев дожили до наших дней.

Эпоха так называемой европеизации России в XVIII в. едва ли смогла кардинально изменить ее образ в немецком обществе. Петр I изображается германскими историками и писателями эпохи Просвещения великим реформатором, «европейским организатором и цивилизатором», но в то же время он прослыл как «ужасный варвар», «повелитель кнута» и «палач». Немцы признавали огромные реформаторские заслуги первого российского императора, однако считали, что в целом «восточный сосед лишь незначительно отдалился от азиатской сущности» [4, S. 9—41]. Все же необходимо подчеркнуть, что после петровских реформ в германском политическом лексиконе названия «Московия» и «москвитянин» постепенно вытесняются «Россией» и «русскими».

В XVIII—XIX вв. набирающие популярность многочисленные германские газеты и журналы, которые все больше внимания уделяли «русскому вопросу», становятся важнейшим средством влияния на консервацию и трансформацию образов России в Германии. Наряду с ними публикации трудов философов, поэтов и писателей оказывают значительное воздействие на укрепление старых стереотипов и появление новых образов России в германском обществе. Надо признать, что в первой половине XIX в. представления немцев о славянских народах в целом и о русских в частности остаются практически

без изменений, хотя начинают появляться отдельные положительные отзывы. Благодаря Ф. Руссо и его современникам в Европе возникает новый образ «миролюбивых и гостеприимных славян» [5, S. 23]. В то же время эпоха правления русских императриц изображается «ужасами азиатского варварства смешанными с рафинированной наглостью европейской кабинетной политики».

До начала XIX в. существовало отношение к России как к «северной державе», которое укрепилось с момента основания Санкт-Петербурга и придания ему статуса столичного европейского города. Продвижение русской армии во время заграничных походов 1813—1814 гг. иногда стереотипно комментировалось как «нашествие варваров с севера», хотя для немцев оно имело освободительный характер [6, S. 122]. И. В. Гёте описывает поведение русских в 1813 г. во время «битвы народов» под Лейпцигом, характеризуя солдат Российской империи далеко не всегда с положительной стороны не без влияния тех национальных стереотипов, которые бытовали среди немцев [2, S. 326]. Хорошо известно, что классики материалистического понимания истории, К. Маркс и Ф. Энгельс, также весьма негативно относились не только к России, но и русскому народу. В силу своих политических взглядов они часто писали о «русской угрозе», «жадных русских» и т.п. [7, S. 327].

По нашим наблюдениям, число русофобов в немецком обществе XIX в. постепенно увеличивалось. Поначалу они являлись представителями либеральных кругов, а затем все больше сторонников левых взглядов перенимали антирусские идеи. После Венского конгресса Россия постепенно теряет облик «северной державы», на смену которому приходит новое понятие «Восточная Европа». В последующие десятилетия Россия все чаще стала изображаться в образе «восточного» или «азиатского» государства, часто сопоставлялась с Османской империей со всеми характерными для «восточной деспотии» признаками. Появился новый штамп «азиатская Россия», который окончательно закрепился во второй половине XIX в. [8, S. 197]. Этому, безусловно, способствовали ее среднеазиатские завоевания и присоединение земель за Каспием.

Восприятие Российской империи в Германии накануне и после ее объединения было во многом опосредовано «польским вопросом». Кроме того, на распространение антагонисти-

ческого образа России оказали непосредственное влияние откровенно националистические представления так называемых «балтийских немцев» из Эстонии, Литвы и Курляндии. Россия стала изображаться в облике «угнетателя национальных меньшинств» [9, S. 36—38]. Следует обратить внимание на то, что именно в их сочинениях впервые возникает выражение «варварский недочеловек» — *barbarischer Untermensch* [10, S. 206—224], которое позже нашло широкое применение в нацистской пропаганде. Известно, что даже германские социалисты видели в лице России «угрозу с Востока», «оплот реакции», а русских задолго до А. Блока образно называли «современными гуннами» [11, S. 29].

В начале XX в. среди немцев все чаще можно было слышать весьма расхожие идеи националистического толка, распространявшиеся прежде всего из научно-популярной литературы. Окончательно утвердился стереотип: «Русские — это славяне, они принадлежат, как и германцы, к великой индогерманской семье народов. Но в процессе колонизации России они сильно перемешались с финнами и татарами, поэтому русская раса не смогла достигнуть такого успеха, как германская или английская» [2, S. 325].

Трансформация образа России шла под прямым воздействием политических интересов Германии. Начал целенаправленно формироваться внешнеполитический образ «восточного соседа» как врага. Он постепенно проникал в общественное сознание немцев. Накануне Первой мировой войны в Германии сформировались две основные политические линии в отношении России и русских, имевшие своих приверженцев как среди консерваторов, так и либералов. В консервативных кругах Германии было достаточно русофилов, которые находили положительные черты в российском монархическом строе, а также ценили русскую культуру, искусство и литературу. Русофобия была больше отличительной чертой сторонников либеральных, социалистических сил. Следует подчеркнуть, что образ России к этому времени был неразрывно связан с образом Восточной Европы, а под словом «русский» часто подразумевали также поляков и евреев.

В годы Первой мировой войны резко обостряются национальные противоречия и укрепляется образ врага. Настроения в немецком обществе ярко характеризует популярное в народе выражение, которое можно было часто услышать на улицах Берлина и Вены:

«Jeder Schuß — ein Ruß, jeder Tritt — ein Brit, jeder Stoß — ein Fronzos», т.е. «каждый выстрел — один русский, каждый шаг — один британец, каждый удар — один француз» [2, S. 125].

Отношение к новой России в Веймарской республике

Октябрьская революция 1917 г., курс большевиков на установление социалистического строя в Советской России, пропаганда атеизма в советском обществе сильно укрепили опасения многих немцев по поводу «восточного соседа». После Первой мировой войны образ России в Германии начинает приобретать более четкие политические очертания. С одной стороны, она традиционно изображалась могущественной державой, с мнением которой необходимо было считаться, с другой — победа Красной армии в Гражданской войне означала «мировую большевистскую угрозу». В 1920-е гг. Россия все чаще отождествляется с Советским Союзом и процессами, происходившими в нем, а именно с отрицанием религии, «свободомыслием и безбожием». В Германии как своеобразный противовес большевизму культивировался образ немца, ориентированного на христианство и отечество.

Между тем в послевоенном немецком обществе активно идет процесс формирования нового образа России. Современный немецкий историк Георг фон Раух передает впечатления многих немцев времен Веймарской республики о Советской России при помощи двух понятий: «угроза» и «воодушевление» [7, S. 322—325]. Образ «новой России» начинает наполняться новым социалистическим содержанием. Его распространению в немалой степени способствовали не только усилия большевистской пропаганды, особенно после создания III Интернационала, но и вернувшиеся из русского плена германские военнослужащие. Так, необычайной популярностью пользовались мемуары бывшего немецкого офицера Е. Двинглерса о пребывании в России в статусе военнопленного, его участии в Гражданской войне на стороне белой армии [12, 13].

В Веймарской республике новый образ Советского государства распространяется, прежде всего, благодаря рабочему и социалистическому движению в Германии. Большинство его представителей с восторгом воспринимали стремительное продвижение России по новому социалистическому пути. Пропаганду таких

представлений вело «Общество друзей новой России», образованное в Берлине в 1923 г. [13, S. 183—201]. Следует отметить, что его основными представителями была левая интеллигенция, а не коммунисты. В 1928 г. был организован «Союз друзей Советского Союза», который по замыслу его создателей должен был выступить в роли своеобразного посредника между ВКП(б) и немецкой общественностью.

Новое отношение к России наблюдается в это время не только в среде левых. Среди широких кругов германской интеллигенции, глубоко травмированной Версальским мирным договором, распространяется идея о близости судеб немцев и русских как «молодых народов», противостоящих старой англо-французской Европе [15, S. 23—26]. Такие представления широко распространились в германском обществе не в последнюю очередь благодаря журналу «Дело» (die Tat). В Веймарской республике, а затем и в Третьем рейхе до (1939 г.) он оставался едва ли не главным изданием, формирующим широкое общественное мнение.

На трансформацию образа России в политических кругах Германии немалое влияние оказало подписание в 1922 г. Рапальского договора. Германия стала первым государством, официально признавшим Советский Союз и установившим с ним дипломатические отношения. Однако следует признать, что образ новой Советской России в эпоху Веймарской республики не отодвинул в тень, а лишь несколько изменил традиционные стереотипы. Новые политические клише «красный царь», «большевизм как замещение православия», «принудительная система Троцкого, Ленина и Сталина в роли замены “царскому кнуту”», «сталинский поворот к советскому патриотизму» являлись для многих немцев символическими образами возрождения все той же старой России. Изменение отношения консервативных кругов к новой России, в рядах которых до 1917 г. насчитывалось немало русофилов, было связано, прежде всего, с непринятием большевизма и социалистических идей. В то же время в германском обществе активно распространился миф о «рабоче-крестьянском рае», который получил свою популярность благодаря воодушевленным участникам рабочего движения и сторонникам левых идей.

Советское государство в нацистской пропаганде в годы Третьего рейха

В 20-е гг. в партийных кругах НСДАП образ России еще не олицетворялся с «мировой угрозой», а среди национал-социалистов достаточно популярным было отождествление русского большевизма с национальным социализмом. К числу «симпатизирующих» относились Г. Штрассер и Й. Геббельс, которые заявляли об отсутствии опасности для Германии с восточной стороны, и что Россия, как никакое другое государство, может стать союзником Германии в общем деле построения социализма. Надо сказать, что позиции Гитлера в этом вопросе кардинально отличались от подхода своих товарищей из левого крыла партии. Уже на заседании НСДАП во время так называемого «краха левых» в начале 1926 г. он заявил, что «немецко-русский союз приведет Германию к самоубийству», а вместо политики совместных действий Германии и России необходимо разрабатывать политику порабощения Восточной Европы [16, S. 265].

С приходом Гитлера к власти в нацистской идеологии и политике происходит окончательное отдаление политики Германии от России и большевизма. Уже в «Майн Кампф» Гитлера было сформулировано основное направление политики в отношении славянских народов и русских [17, S. 10]. Гитлер четко озвучил эти планы в торжественной речи под названием «Жизненное пространство на Востоке и беспощадная германизация», которую он произнес во время вступления в должность рейхсканцлера Германии 3 февраля 1933 г. На развитие антирусских, антиславянских и антибольшевистских идей Гитлера оказали мощное влияние взгляды А. Розенберга, который являлся одним из основных идеологов НСДАП, главным редактором рупора нацистов «Völkischer Beobachter». В его публикациях прослеживался причудливый сплав из идей старой прибалтийской русофобии, с одной стороны, и оголтелого антисемитизма — с другой, основанный на материалах сфальсифицированного «Протокола сионистских мудрецов» [18, S. 51—74]. Такая смесь антибольшевизма с антисемитизмом являлась своеобразной теоретической базой для воплощения далеко идущих планов Гитлера по расширению «жизненного пространства» и установлению мирового лидерства Германии. Страх перед «азиатскими полчищами», Россией, с одной стороны, и чувство

расового превосходства — с другой, скоро породили крайне негативный образ России не только в политических кругах Германии, но и в ее обществе. В нацистских представлениях о России и русских отчетливо просматривается надменный и заносчивый образ самих себя, т.е. немцев, а также их ограниченные расистские и шовинистские представления об окружающем мире.

Поэтому неудивительно, что после прихода нацистов к власти в германском обществе наряду с антисемитской позицией формируются радикальные антирусские, антиславянские и антибольшевистские убеждения. Надо напомнить, что образ русских в Третьем рейхе был тесно связан с таким понятием, как «еврейско-большевистский враг», который сопровождался эпитетами «неполноценный», «дикий» или просто «недочеловек». Основная задача нацистской пропаганды, направленной против Советского Союза, преследовала цель создания устойчивого образа врага в сознании немецких граждан. Такая политика имела за собой далеко идущие планы по радикальному сокращению славянского и полного уничтожения еврейского населения. Следует признать, что образы Советской России ближе к концу 30-х гг. усугублялись сообщениями о реальных преследованиях граждан в СССР по политическим и религиозным мотивам, принудительной коллективизации крестьян, массовым репрессиям [19, S. 24—25].

В сентябре 1935 г. на съезде НСДАП Геббельс впервые публично заявил о «мировой миссии Германии против большевизма». Спустя два года министерство юстиции в пропагандистских целях опубликовало так называемое «главное руководство», в котором давалась краткая характеристика нацистской политике в отношении СССР и содержались основные представления немецкого руководства о советской России:

«I. Борьба против мирового большевизма является генеральной линией немецкой политики. Ее разъяснение — это основная задача национал-социалистической пропаганды. После краха Германии в 1918 г. и до прихода к власти национал-социалистов коммунизм, управляемый евреями, стал самым ожесточенным противником национал-социалистического движения и возрождения немецкого народа... Задача пропаганды показать немецкому народу, что большевизм является его заклятым врагом, и разъяснить всему миру, что он враг всех народов и наций и в связи с этим является врагом всего мира...

II. Сущность большевизма.

Большевизм придуман и управляется евреями. Это операция еврейской расы. Мировое еврейство пытается через дезорганизацию и пропаганду объединить отторгнутые и неполноценные элементы всех народов для того, чтобы при помощи них вести борьбу на уничтожение всего положительного, против народного духа, нации, религии, культуры, порядка и цивилизации. Целью большевизма является достижение хаоса через мировую революцию и создание мирового государства под еврейским руководством по примеру Советского Союза» [20, S. 118—121].

Данное «руководство» и другие пропагандистские материалы массово распространялись через прессу, радио, кино и документальную кинохронику. Все это создавало густую информационную сеть, которая должна была убедить германское общество в непримиримом отношении к большевизму, Советскому Союзу, русским.

Беседы о «большевистской угрозе» являлись основным средством для мобилизации антисоветского отношения в германском обществе. Так называемые «сообщения на основе фактов» (Tatsachenberichte) о гибели православной церкви, нищете, голоде были постоянными темами радиопередач и газет, которые к концу 30-х гг. либо принадлежали НСДАП, либо выпускались под строгим контролем партии. Если до нападения на СССР пропагандистская война в прессе велась относительно скрытно, то с 22 июня 1941 г. и на всем протяжении войны такие образы в отношении советского солдата как «чудовища» или «зверя» стали обыденными терминами в немецких публикациях. Нацистская агрессия изображалась как превентивная война или крестовый поход «объединенной молодой Европы» [21, S. 134—137].

Для формирования образа врага и распространения его в германском обществе использовались различные средства передачи информации, в том числе радио и кино, которое с 1933 г. находилось под контролем «Рейхскинокамер» (Reichskinokammer) — государственного органа по управлению кинопроизводством. Одним из наиболее популярных антибольшевистских фильмов являлся выход в свет «Фризеннот» (Friesennot), снятый в 1935 г., в котором главный герой, поволжский немец, противопоставлялся демонизированному советскому комиссару [22, S. 242—244]. Одновременно те же цели преследовала нацистская документальная кино-

хроника. Путем тенденциозного монтажа отдельных, иногда правдивых, кадров о жизни в Советском Союзе немецкому зрителю преподносили визуальное изображение большевистского врага и доблестного немецкого героя, ведущего борьбу с ним. При этом для унижения образа русского человека на киноленте часто были запечатлены люди с физическими недостатками.

Формирование антагонистического образа России и русских имело далеко идущие планы по оккупации нашей страны и использованию ее ресурсов для развития Германии. Следует отметить, что образ русского «недочеловека» не означал, что Гитлер недооценивал Советское государство. Он даже не исключал нападения СССР на Германию. В его сознании причудливо сочетались опасения «еврейско-большевистской мировой угрозы», с одной стороны, и «русского колосса на глиняных ногах» — с другой. Эти два образа прослеживаются во всей нацистской политике и пропаганде по отношению к Советскому государству. Застарелые предрассудки и явно скудные знания о реальной России, идеологическая ограниченность и политический прагматизм являлись основными характеристиками нацистского образа России и русских. Основными средствами воздействия на формирование таких представлений в обществе являлись убеждения немецких граждан в необходимости использования богатых русских ресурсов для преодоления экономического кризиса, развития Германии и обогащения всех немцев. Так, во время своего выступления в Мюнхене в 1936 г. Гитлер сделал следующее заявление: «Когда Урал с его нескончаемыми полезными ископаемыми, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с бескрайними плодородными землями будут лежать под Германией, то ни один немец не будет больше нуждаться ни в чем» [23, S. 54].

Нацистская пропаганда, затронувшая практически все сферы общественной жизни Германии, не обошла стороной и немецкие школы. Одними из важнейших направлений в образовании были изучение расовой теории, воспитание у немецкой молодежи жесткого «нордического» характера и стойкого «арийского» духа. В этом нацистскому государству активно помогала организация «Гитлерюгенд», подчас игравшая ключевую роль в расовом воспитании нового поколения немцев [24, S. 31]. Ее основной целью являлось воспитание подрастающего поколения, способного на агрессивное и бескомпромиссное решение

«еврейского вопроса», а также проблемы «жизненного пространства» для германской нации. Для достижения поставленных задач негативный образ большевистской России играл важнейшую роль. В немецких школах книги Гитлера и Розенберга являлись обязательной литературой для чтения. На уроках в школе постоянно разоблачался «рабоче-крестьянский рай» через изображение советских лагерей и нищего, закабаленного большевистским руководством русского народа. Однако обращает на себя внимание то, что образ советского вождя Сталина и диктатора коммунистической партии в СССР упоминались в нацистской пропаганде значительно реже, чтобы избежать неумышленных аналогий с Гитлером и нацистским режимом в Германии.

Как было отмечено выше, образ России в Третьем рейхе был непосредственно связан с далеко идущими экономическими планами, которые сводились, прежде всего, к использованию ее территории в роли сырьевого придатка. Согласно гитлеровской «восточной политике» предполагались так называемые «деиндустриализация» и «переаграризация» Советского Союза, одной из целей которых было создание в стране огромного рынка сбыта [17, S. 357—385]. На деле такой проект будущего Советского государства предполагал простое разграбление территории страны, вывоза полезных ископаемых, древесины и других природных ресурсов.

Весьма примечательно, что немецкой пропагандой широко использовались ассоциативные образы, с помощью которых изображалась Советская Россия. В целях формирования образа врага в лице русского народа и для борьбы с идеями большевизма в Германии активно муссировались такие понятия, как «большевизм — это русское, а следовательно, и азиатское изобретение. Его распространению следует препятствовать кроме всего прочего еще и потому, что он является в большей степени механизмом и оружием евреев» [6, с. 26] или «русские — это смесь северного характера и монгольско-азиатских инстинктов. Такой гибрид является инструментом в руках еврейской диктатуры» [25, S. 12—30].

Следует отметить, что реальное восприятие процессов и событий в СССР было ограничено в 30-х гг., с одной стороны, нацистским режимом, а с другой — закрытостью Советского государства, в котором после военной интервенции европейских государств во время

Гражданской войны усилились опасения по поводу внешней угрозы [26]. В Третьем рейхе основным источником получения сведений о Советском Союзе оставались лишь так называемые «восточные исследования» (Ostforschungen), проводимые в учреждениях СС [27]. Их главной целью являлись «научное» обоснование и идеологическая подготовка будущей экспансии Германии в Восточную Европу.

После острой пропагандистской конфронтации между национал-социализмом и большевизмом в годы Гражданской войны в Испании и открытой милитаризации в Германии наступает период относительной стабилизации и сдержанности в отношениях между двумя странами. Она достигла апогея после подписания пакта о ненападении 23 августа 1939 г. В период так называемой «дружбы» между СССР и Германией в 1939—1941 гг. в германском обществе была несколько приглушена антисоветская и антирусская пропаганда, что в конечном итоге преследовало основную цель — усыпить главного врага накануне подготовки военной кампании против Советского Союза.

Итак, образ России в официальной пропаганде Третьего рейха накануне Великой Отечественной войны имел две основные составляющие: страна и народ. Советская Россия изображалась как богатая природными ресурсами страна, где проживали «люди низшего сорта», к тому же управляемые «еврейско-большевистским правительством». Все эти образы в немалой степени способствовали ужесточению до крайних пределов фашистского оккупационного режима на территории СССР, который едва ли можно было сравнить с порядками, установленными гитлеровцами в других захваченных ими странах в годы Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Groh D.* Russland im Blick Europas, 300 Jahre historische Perspektiven / D. Groh. — Frankfurt a/M, 1988.
2. *Moser A.* Land der unbegrenzten Unmöglichkeiten. Das Schweizer Russland- und Russenbild vor der Oktoberrevolution / A. Moser. — Zürich : Chronos, 2006.
3. *Kunczik M.* Die manipulierte Meinung. Nationale Image-Politik und internationale Public Relations / M. Kunczik. — Köln : Böhlau, 1990.
4. *Stanzel F. K.* Zur Literarischen Imagologie. Eine Erfindung / F. K. Stanzel // Europäischer Völkerspigel : imalogisch-ethnographische Studien zu den Völkertafeln des frühen 18. Jahrhundert. — Heidelberg : Winter, 1999.
5. *Kopelew L.* Fremdenbilder in Geschichte und Gegenwart / L. Kopelew // Russen und Russland aus deutscher Sicht. — München : Fink, 1985. — Bd 1.
6. *Lemberg H.* «Der Russe ist genügsam». Zur deutschen Wahrnehmung Russlands vom Ersten zum Zweiten Weltkrieg / H. Lemberg // Das Bild „des Anderen“: politische Wahrnehmung im 19. und 20. Jahrhundert. — Stuttgart : Steiner, 2000.
7. *Rauch G.* Wandlungen des deutschen Russlandbildes / G. Rauch // Zarenreich und Sowjetstaat im Spiegel der Geschichte. Aufsätze und Vorträge. — Göttingen : Muster-Schmidt, 1980.
8. *Stökl G.* Johannes Scherr und die Geschichte Russlands. Zur popularisierung eines Feindbildes / G. Stökl // Russland und Deutschland. — Stuttgart, 1974.
9. *Laqueur W. Z.* Deutschland und Rußland / W. Z. Laqueur. — Berlin : Propylän, 1965.
10. *Garleff M.* Zum Russlandbild Julius von Eckhardts / M. Garleff // Russland und Deutschland. Kieler Historische Studien. — Stuttgart, 1974. — Bd 22.
11. *Naarden B.* Socialist Europe and Revolutionary Russia : Perception und Prejudice 1848—1923 / B. Naarden. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992.
12. *Dwinger E. E.* Das Große Grab : Sibirischer Roman / E. E. Dwinger. — Berlin ; Schöneberg : F. Schneider, 1920.
13. *Dwinger E. E.* Die Armee hinter Staheldraht : das sibirische Tagebuch / E. E. Dwinger. — Jena : Diederichs, 1929.
14. *Rothe H.* Fremd- und Eigenbilder von und über Slaven, vornehmlich bei Polen und Russen / H. Rothe // Europa und das nationale Selbstverständnis. Imatologiesche Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts. — Bonn, 1988.
15. *O'Sullivan D.* Furcht und Faszination. Deutsche und britische Rußlandbilder 1921—1933 / D. O'Sullivan. — Köln ; Weimar ; Wien, 1996.
16. *Hecker H.* Die Tat und ihr Osteuropa-Bild 1909—1939 / H. Hecker. — Köln, 1974.
17. *Hitler, Reden, Schriften, Anordnungen.* — München ; New York ; London ; Paris : Institut für Zeitgeschichte, 1992. — Bd 1.
18. *Weißbecker M.* «Wenn hier Deutsche wohnten...». Beharrung und Veränderung im Rußlandbild Hitlers und der NSDAP / M. Weißbecker // Das Russlandbild im Dritten Reich. — Köln ; Weimar ; Wien, 1994.
19. *Cohn N.* Die Protokolle der Weisen von Zion. Der Mythos von der jüdischen Weltverschwörung / N. Cohn. — Köln ; Berlin, 1969.
20. *Schumann W.* Dokumente zur deutschen Geschichte 1933—1935 / W. Schumann. — Berlin (Ost), 1977.

21. *Pietrow-Ennker B.* Die Sowjetunion in NS-Ansichten 1935—1941 / B. Pietrow-Ennker. — Göttingen, 1995.

22. *Hagemann J.* Die Presselenkung im Dritten Reich / J. Hagemann. — Bonn, 1970.

23. *Welch D.* Propaganda and the German Cinema 1933—1945 / D. Welch. — Oxford, 1983.

24. Reden des Führers auf dem Parteitag der Ehre 1936. — München, 1936.

25. Fricke-Filkenburg R. Nationalsozialismus und Schule. Amtliche Erlasse und Richtlinien 1933—1945 / R. Fricke-Filkenburg. — Opladen, 1989.

26. *Müller R.-D.* Das Rußlandbild der Wirtschaftseliten im «Dritten Reich» / R.-D. Müller // Das Russlandbild im Dritten Reich. — Köln ; Weimar ; Wien, 1994.

27. *Oberländer E.* Historische Osteuropaforschung im Dritten Reich. Ein Bericht zum Forschungsstand/ E. Oberländer// Geschichte Osteuropas. Zur Entwicklung einer historischen Disziplin in Deutschland, Österreich und Schweiz 1945—1990. — Stuttgart, 1992.

*Воронежский государственный университет
Медведев С. А., аспирант кафедры новой и
новейшей истории
sov@hist.vsu.ru
Тел.: (4732) 24-75-10; 23-53-83*

*Voronezh State University
Medvedev S. A., Aspirant of the Department
of Modern History of Russia and Historical
Records
sov@hist.vsu.ru
Tel.: (4732) 24-75-10; 23-53-83*